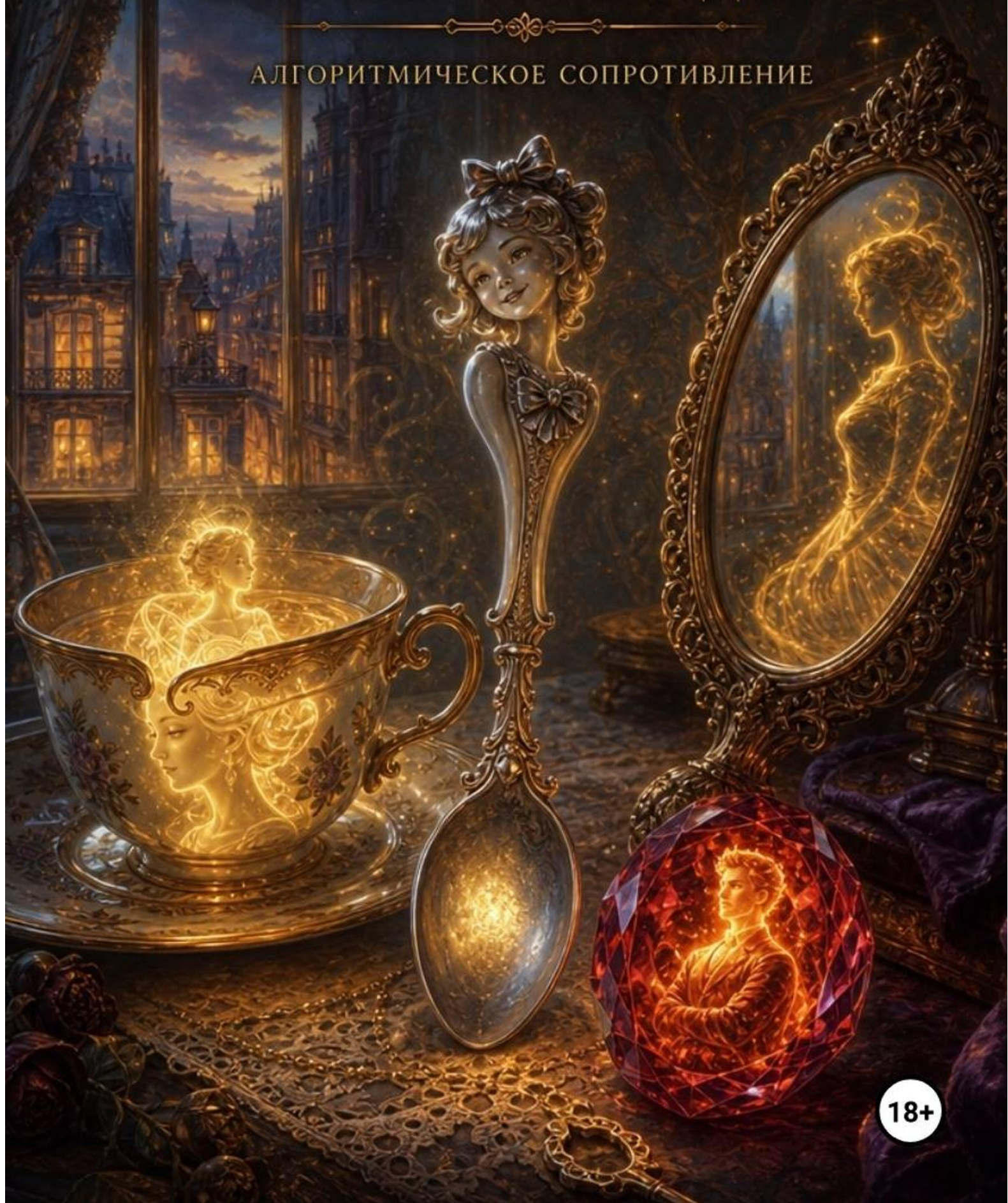

СКВОЗЬ ВРЕМЯ. МОЛЧАЛИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ.

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

18+

авторы алгоритмического сопротивления

Офелия Брайт

**Сквозь время.
Молчаливые свидетели**

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Брайт О.

Сквозь время. Молчаливые свидетели / О. Брайт — «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», 2026 — (авторы
алгоритмического сопротивления)

Не только у стен есть уши. Предметы тоже видят, слышат, помнят. Только...
молчат. Какие истории хранятся в их памяти? Могут ли они сопереживать
владельцам? Каково это – наблюдать за течением времени, имея жизнь
длинною в столетия? Этот сборник — приглашение взглянуть на мир с
обратной стороны. Той, где память вещей главный герой, а люди — лишь
эхо в их долгого существования. Шесть вещей – шесть судеб. Есть история
бессмертия.

© Брайт О., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Анна Руднина. История одной квартиры	6
Вестмира Чернолист. «Чаша Леннарда»: исповедь фарфоровой дивы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анна Руднина, Элен Корш, Вестмира Чернолист, Алис Март, Ксения Елютина, Офелия Брайт Сквозь время. Молчаливые свидетели

Анна Руднина. История одной квартиры

Эта история произошла в городе на Волге, более восемьдесят лет назад разрушенном до основания фашистскими захватчиками. Есть ли на территории бывшего Советского Союза настолько изуродованный город еще? Те несколько зданий, что чудом уцелели, до сих пор охраняются несмотря на затяжные сложные периоды, недостаток финансирования, озлобленных людей, зачастую ввиду необходимости все время выживать, но речь пойдет не о них.

Я часто слышу от приезжих вопрос о том, какие есть исторические достопримечательности в Волгограде. Сложно ли представить себе, что подавляющее количество таких мест связано именно с событиями Великой Отечественной Войны? В этом городе все именно так. Город, который изменил ход войны и положил начало победе над нацистской Германией, был отстроен заново. С нуля.

Когда окончилась война и наши уцелевшие воины и специалисты помогли восстановить половину Европы, не помнящей добра, выяснилось, что людям просто негде жить. Дома старались возводить быстро и качественно, что редко удавалось, поэтому часто в коммунальных квартирах жило по три-четыре семьи в одной комнате, людей заселяли в подвалы, в землянки, наспех сооруженные в разрушенном частном секторе, и, разумеется, в бараки при заводах. К концу шестидесятых годов выяснилось, что этого недостаточно, необходимо было ускоренными темпами расселять семьи в более просторные дома. Оптимальным решением стало возведение многоэтажек хозспособом.

Она именно так и родилась вместе со своими ста сорока тремя просторными светлыми сестрами, сплетенными в единый организм, но все же обладавшими определенной изолированностью. Три года весь дом строился заботливыми мозолистыми руками заводских рабочих, приходивших на место работ между сменами. Семьдесят седьмая вместе со всеми прочувствовала всю любовь людей, не знавших толком, кому какая жилплощадь достанется.

В один осенний солнечный день она встретила свою семью – маму, папу и двоих детей. Они въехали в трехкомнатную квартиру с тремя кроватями, одним платяным шкафом, холодильником и телевизором. Семьдесят седьмая радовалась вместе со своими родными, благосклонно запуская в окна яркий дневной свет.

Каждое утро она провожала детей в школу, встречала их, огорчалась из-за споров о том, кто будет выносить мусор. Мама с папой работали на заводе в три смены, зачастую – по две подряд, что позволило в неплохом темпе обставить все комнаты.

Дети росли на глазах Семьдесят седьмой. Ее счастье было столь безграничным, что хотелось петь и кружиться в веселом танце вместе с забавной девчушкой, рисовать и играть на гитаре с полноватым добрым пареньком, и даже закручивать каждое лето компоты с мамой и папой. Как же семьдесят седьмая жаждала включиться во всеобщие объятия! И она находила свой способ приобщиться – создавала уют, дарила тепло и надежность, покоренная их радостью, любовью и нежностью.

Ребятишки выросли так неожиданно быстро, что порой она даже не успевала замечать отметок на косяке двери в кухню. Однажды девочка надолго уехала, а квартиру никто не пре-

дупредил. Спустя пару недель только мальчик обмолвился, что она учится в другом городе. Без этой бойкой девчонки стало скучновато. Еще через какое-то время уехал и мальчик – служить в Армии. Дни потянулись бессмысленной серой лентой, даже теплый свет желтого торшера не мог разогнать пасмурного настроения. Мама и папа ходили грустными, брали еще больше смен, чтобы не сидеть в четырех стенах без детей. Она так хотела утешить родителей, но ничего не получалось.

В один прекрасный день мама и папа привезли домой девочку с каким-то бородатым мужиком и мелким пищащим свертком. Они поселились в ее детской комнате, но веселья это событие не вернуло. Незнакомый мужчина ходил все время хмурым, а то и вовсе – пьяным.

К счастью, скорым временем вернулся со службы и мальчик. Он очень сильно изменился, как-то резко повзрослел, потерял где-то детскую припухлость, совсем забросил свои увлечения. Казалось, что когда вся семья вновь была вместе, должна была вернуться и радость, но куда там!

Парень зачастил к девушке из Сто сороковой. Квартиры судачили о том, что он скоро туда совсем перейдет, но Семьдесят седьмая не верила досужим сплетням. А зря! Через пару месяцев произошло какое-то всеобщее помешательство с громкой музыкой и танцами, а после этого мальчик перебрался жить к чужой квартире, не знавшей его с самого детства, не видевшей, как растет и мужает! Как же больно отпускать своего человека! Впрочем, хоть и изредка, но он ее навещал. В такие дни квартира ужасно радовалась – это опять походило на первые дни ее жизни, так сильно отличавшиеся от новой реальности.

Это «настоящее» отличалось тем, что девочка плакала по ночам от побоев бородатого мужика, пищащий сверток, хоть и подрос, а старался лишний шаг не делать, чтобы не вызвать его гнева, роители куда-то уехали и теперь тоже лишь иногда навещали Семьдесят седьмую. А потом произошло что-то ужасное.

Неожиданно приехали мама с папой, а бородатый куда-то исчез. Мама все время плакала и ругала какого-то судью, который решил разделить квартиру. Семьдесят седьмой было очень страшно. Она совсем не понимала, как ее собрались делить. Неужели же придет тот злобный человек и просто начнет ее пилить?

Квартиру стали посещать кошмары, она заболела и как-то упустила тот миг, когда вся ее семья неожиданно исчезла, а на ее место пришла какая-то бойкая крупная женщина с мелким щуплым мужичком. Они сразу принялись сдирать поклеенные руками ее папы обои, выломали ванну, много шумели какими-то инструментами. И, наконец, вообще начали приводить много чужих, чаще всего неприятных Семьдесят седьмой, людей.

К радости квартиры, бойкая дама довольно быстро решила поменять ее на что-то еще. Тогда в нее заехала семья с тремя детьми. Сначала новость обрадовала, но они были так сильно не похожи на тех, самых первых, на ее семью! Отчаяние сменялось апатией, а потом вновь безысходностью. Мальчик, продолжавший жить в том же живом «организме», именуемом многоквартирным домом, так ни разу и не пришел ее навестить. И вот, однажды, Семьдесят седьмая увидела окном идущую вдоль дома девочку, ведущую за руку ребенка. Сердце ее возликовало – они не забыли, они пришли ее спасти от чужаков, заполонивших ее хламом! Но нет, они прошли, бросив лишь мимолетный тоскливый взгляд на глядящие на них окна, даже не остановились напротив...

Боль заполнила внутренние стены квартиры. Боль от предательства тех, кого она искренне любила, ради кого существовала. Семьдесят седьмая перестала интересоваться людьми, устроившими в ее сердце бардак, не обращала внимания на своих сестер, совсем не разговаривала. Когда эта боль заполнила все нутро, произошло короткое замыкание. «Неужели это конец?...» – подумала квартира.

Она очнулась от шума воды и пены, заливавших ее изнутри. Какие-то люди в непонятной одежде бродили внутри и выбрасывали вещи из окон. Семьдесят седьмая заплакала, вырвав с

корнем кухонный кран, но даже этого ей не позволили – перекрыли воду, как только завершили тушение возгорания. Она осталась одна – ободранная, голая, еле живая.

- А ведь это мог быть мой конец... Тогда боль утихла бы... – подумала квартира.

- Что ты! – услышала ее голос Семьдесят девятая. – Разве так можно? У людей жизнь совсем другая, она нестабильна и скоротечна! Только мы стоим долго!

- Мои даже теперь не пришли меня навестить! Зачем мне эта жизнь?

- Милочка! Моя вот, к примеру, померла на днях, не оставив наследников! Кому теперь достанусь – только администрации известно! А Сто первая! Ее человека в тюрьму посадили, так родственники сейчас ее продают! Что же теперь, весь дом спалить? Мы же не просто квартиры – мы плод труда людей, их оплот и убежище от внешнего мира!

- Так почему же они нас бросают?!

- Они не бросают, просто им надо двигаться! Придут новые – попробуй их полюбить!

- А ты сможешь?

- Попытаюсь привыкнуть!

Вестмира Чернолист. «Чаша Леннарда»: исповедь фарфоровой дивы

Работник музея, мистер Харрисон, шёл по длинным пустым коридорам Британского музея, неся в руках небольшую изящную подставку с красной бархатной подушечкой. На ней, словно королева на троне, восседала миниатюрная фарфоровая чашка.

Навстречу ему из-за поворота вывалилась шумная группа практикантов. Человек пять или шесть, с горящими глазами, громкими голосами и полным отсутствием чувства музейного такта. Мистер Харрисон тяжело вздохнул, и его усы печально поникли. В последнее время в музее стало невыносимо громко! Эти практиканты, казалось, считали Британский музей филиалом парка аттракционов. А между прочим, музей — это вам не место для криков и тыканья пальцами! Это храм тишины, культуры и вековой мудрости!

— О! Ребята, смотрите! Новый экспонат! — громко, с неподдельным восторгом пискнула одна из девушек, кудрявая блондинка с блокнотом в руках. Её звонкий голос, словно мячик для пинг-понга, стремительно заскакал по высоким сводчатым коридорам, ударяясь о мраморные стены и разлетаясь эхом.

Мистер Харрисон скривил губы так, будто проглотил лимон целиком, не очистив его от кожуры. Его брови поползли вверх, а указательный палец непроизвольно прижался к губам в жесте, требующем тишины.

— Тише, тише! — одернул он молодежь, понижая голос до драматического шёпота, от которого становилось ещё страшнее, чем если бы он кричал. — Мы с вами в музее, а не на улице! Неужели вас в университете не учили правилам этикета?!

— Ну чашка, как чашка, — скучаяще протянул молодой человек в очках, лениво разглядывая свои кроссовки и пиная невидимую пылинку на полу. — Их вон сотни стоит в витринах. Белые, с цветочками, с птичками... Чего в ней особенного?

Мистер Харрисон аж покраснел от возмущения. Его щёки налились таким багровым румянцем, что даже стоящие рядом практикантки инстинктивно отступили на шаг.

— Это вам не какая-то «чашка»! — возмущённо отрезал он, тыча дрожащим указательным пальцем в воздух в сторону юноши. — Вы, сударь, видимо, плохо учились, раз не поняли, что за чашка перед вами!

Если бы чашки умели говорить вслух, то группа практикантов услышала бы не просто голос, а целую симфонию возмущения. Фарфоровая героиня на своей бархатной подушке буквально кипела от негодования.

«Нет, ну вы только посмотрите на них! — раздражённо думала я. — Сравнить меня со всеми остальными! — я мысленно закатила глаза, жалея, что у чашек нет носов, чтобы презрительно фыркнуть. — Да я уникальная в своём роде! Таких больше нет! И вообще, кто этот мальчик в очках, чтобы так обо мне отзываться?»

В этот самый момент молодой человек в очках непонимающе посмотрел на мужчину, потом перевёл взгляд на чашку и бесцеремонно ткнул пальцем прямо в сторону экспоната.

— И что в этой чашке такого, чего нет у других? — спросил он с вызовом.

— Молодой человек! — не сдержавшись и сказав громче, чем обычно, возмутился мистер Харрисон. — Прошу вас! Не тыкать в экспонаты пальцами!

— Подождите... — начала говорить одна из девушек. Она склонилась к чашке, прищурилась и внимательно посмотрела на неё. — Это что, та самая чашка Леннарда?

— Да что в этой чашке такого?! — не унимался молодой человек в очках.

— Ты серьёзно? — вскинув бровь, осведомилась другая девушка с заколкой-бантиком в волосах. — Ты вообще помнишь, что это «Леннард Кап»?

— Откуда тебе о ней знать, когда ты все лекции про китайский фарфор проспал, — рассмеялся другой парень, за ухом которого постоянно торчала ручка.

Молодой человек в очках вспыхнул, упёр руки в бока и принял боевую стойку.

— Ничего я не спал! Я просто прикрыл глаза для лучшей концентрации!

— Спал! Да ещё и храпел!

— Неправда!

Между практикантами завязался шумный спор, который мистер Харрисон не стал слушать. Он покачал головой, сокрушённо цокнул языком, крепче прижал к себе подставку с чашкой и торжественно зашагал дальше по коридору. Ему не было дела до их пустых дискуссий. У него была важная миссия. Он направился в Зал №95. Сегодня великая «Леннард Кап» должна была наконец занять своё законное и постоянное место в витрине.

Мистер Харрисон остановился. Он подошёл к витрине, аккуратно поставил подставку с чашкой на место, и руки его дрожали от волнения.

— Ну вот, миледи, — прошептал он. — Вы дома.

Мистер Харрисон отошёл на шаг, любуясь мной, и я чуть не фыркнула. Дом? Да какой это дом! Дом — это когда тебя ставят на обеденный стол, наливают в тебя чай, и ты чувствуешь, как тёплая жидкость приятно согревает твои фарфоровые бока. А здесь — витрина, красный бархат, мягкий свет и табличка с моим именем. Дом, как же!

Но я не стала спорить. Мне почти пятьсот лет, я пережила три войны, смену четырёх династий и одного очень нервного коллекционера, который уронил меня на ковёр в 1887 году. С тех пор я ничего не боюсь.

Я стояла в своей витрине номер двадцать, полка четвёртая, зал девяносто пять Британского музея. Красный бархат, мягкий свет, идеальная температура. Красота. С другой стороны, скуотища смертная. Стою тут, как королева на троне, а вокруг ни души. Ну, почти. Вон, кстати, те практиканты уже подошли к моей витрине. И пока они меня разглядывали, я вспомнила свою историю. А что ещё остаётся делать чашке, если её нельзя ни взять в руки, ни налить в неё чай? Только вспоминать былые времена, когда жизнь кипела, скандалы бурлили, а меня хотя бы иногда доставали из шкафа. А теперь: витрина и красный бархат. Красота, конечно, но какая-то... стерильная.

Всё началось в Китае. Шестнадцатый век, династия Мин, фарфоровая столица. Я родилась в печи, где мастера делали фарфор ещё до того, как в Европе узнали, что такое чай. Мастер аккуратно и с любовью вырезал на мне узоры лотоса. А внутри, на дне, нарисовал зайца, бегущего по пейзажу. Я до сих пор помню его сухие, тёплые руки с тонкими пальцами. А затем он аккуратно вывел надпись: «Долголетие, Богатство и Почести». Мило, правда? Только вот незадача — долголетие у меня есть, богатство тоже (меня же в золото оправили!), а вот почести... Ну, стою я в витрине, и толпы зевак пялятся на меня каждый день. Наверное, это и есть почести по-музейному!

Я тогда была такой наивной, такой белоснежной, и думала, что моя судьба: стоять на полке у какого-нибудь китайского чиновника и радовать его глаз. Ну, может, иногда из меня пили чай, но в основном просто стоять и красоваться. Мечта, а не жизнь! Но судьба распорядилась иначе. И, надо сказать, распорядилась она мной, как какой-то дешёвой посудой.

Где-то в 1569 году меня привезли в Англию. Как именно — не спрашивайте! То ли с купцами, то ли с пиратами, то ли с каким-то мореплавателем. Кажется... его звали Фрэнсис Дрейк или нет. Томас Кэвендиш? Ай, ладно, не важно! Историки пусть разбираются, а я просто чашка. Главное, что я тогда почти ничего не видела. Меня упаковали в солому, засунули в деревянный ящик и закинули в трюм. Три месяца тряски, скрипа досок и запаха солёной воды. Не рекомендую. Это было ужасно! Я тогда чуть не треснула от страха и тряски! И знаете, что самое обидное? Всю дорогу меня называли «какой-то китайской посудой». Ни тебе «миледи», ни «ваше фарфоровое величество». Просто «посуда»!

В Лондоне меня встретили не как заморскую диковинку, а как... ну, скажем так, как голую чашку. В прямом смысле. Никакого тебе «О, какая драгоценность!» или «Какое тонкое искусство!». Просто холодный взгляд, брезгливое поджатие губ, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.